

чины смеха (оппозиция безобразия и красоты) – это нечто *мнимотрагическое*, «бедная беда», показная драма.

Аристотелева дефиниция до сих пор остается одним из основных достижений в теории смеха. В эпоху Возрождения смех приобрел новые качества, формы, функции. Интерес к науке и культуре античности обусловил дальнейшее исследование комического в новых социальных условиях. Неоплатонизм становится основной научной философской базой для изучения смеха как общественного, культурного явления. В дальнейшем мы предполагаем рассмотреть трансформацию теории комического в эпоху Ренессанса.

Библиографические ссылки

1. **Аристотель.** Собрание сочинений : в 4 т. / Аристотель. – М., 1975. – Т. 4. Поэтика. – 1975.
2. **Аристотель.** Риторика / Аристотель // Поэтика. Риторика. – СПб., 2000.
3. **Дмитриев А. В.** Смех. Социофилософский анализ / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. – М., 2005.
4. **Демокрит.** Гипократов роман / Демокрит // Лурье С. Я. Демокрит: Тексты. Переводы. Исследования. – М., 1970.
5. **Лукиан.** Икароменипп / Лукиан // Лукиан. Избранное. – М., 1966.
6. **Лукиан.** Собрание богов / Лукиан // Лукиан. Избранное. – М., 1966.
7. **Платон.** Законы / Платон // Платон: Избранные диалоги. – М., 1965.
8. **Платон.** Филеб / Платон // Платон. Филеб. Государство. Тимей. Критий. – М., 1999.

Надійшла до редколегії 15.12.09

УДК 17.02

Э. К. Скиба

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ФЕМИНИСТСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ

Розглянуто філософський та соціокультурний конфлікти у реалізації феміністського проекту.

Ключові слова: фемінізм, гендерна теорія, жіноче дослідження, гендерні відмінності, гендерна наука.

Рассмотрены философский и социокультурный конфликты в реализации феминистского проекта.

Ключевые слова: феминизм, гендерная теория, женское исследование, гендерные различия, гендерная наука.

The Philosophy and Sociocultural Conflict while the Feminist Project Implementating is analysed.

Key words: feminism, the gender theory, female research, gender distinctions, a gender science.

Феминизм и гендерные исследования, развиваясь в конце XX в. как два тесно связанные философское и политико-культурное течения, сейчас, в начале XXI в., сохраняют определенную дистанцию, явно проблематичную для обеих сторон.

© Скиба Э. К., 2010

Гендерные исследования, как самостоятельное научное направление, сложились за рубежом, как известно, в конце 80-х годов прошлого столетия (у нас несколько позднее), в отличие от феминизма, переживающего сейчас уже третью волну за свою более чем двухсотлетнюю историю. Гендерные исследования во многом явились результатом определенного переосмысления движения и идеологии феминизма, ограниченности так называемых женских исследований (women`s studies), получивших на Западе распространение в 60-х годах. С другой стороны, современный феминизм рассматривается не только как борьба за равноправие, не только как «женское движение», социально-политическая теория, но и как «форма альтернативного сознания» [13, с. 137], «альтернативная философская концепция социокультурного развития» [1, с. 171]. В широком смысле, философский и политический проект гендерных исследований утверждает законодательное равноправие и реальное равенство возможностей для самореализации личности независимо от пола (и мужчин, и женщин). Как отмечают критики, в узком смысле это все же реализация феминистского проекта, направленного на укрепление социального статуса женщин. Ученые указывают, что объект гендерных исследований – это анализ отношений между мужчинами и женщинами как социальными субъектами; философия гендерных исследований предлагает альтернативные взгляды на соответствующие практики в распределении ресурсов, власти и влияния между мужчинами и женщинами.

Современная теория гендера при всех существующих теоретических расхождениях отдельных концепций предполагает, что различия в поведении и восприятии мужчин и женщин определяются социализационными механизмами, воспитанием и распространенными в каждой культуре представлениями о сущности мужского и женского. Утверждается, что такое конструктивистское понимание полов расширяет возможности преодоления стереотипов, их иерархичности, дискриминации, асимметрии и предлагает новые версии интерпретации общественных и личных проблем [7, с. 7].

Ученые отмечают как бесспорный факт, что современная теория гендера довольно противоречива. Основные дискуссии разворачиваются по дилеммам: женские исследования, гендерная наука; гендерная теория, теория половой дифференциации; теория гендерного равенства/феминизм.

Связь между современным феминизмом и гендерной наукой очень тесная: почти весь современный феминизм, по словам Кристины Хофф-Соммерс, представляет собой «гендерный феминизм», базирующейся, в основном, на марксистской теории, где «гендер» заменяет «класс» Маркса или, как пишет исследовательница, обычно соединяет «первое» и «второе», вставляя между ними «расу» [22, р. 320]. Эта связь между феминизмом и гендером осуществлялась во многом благодаря женским исследованиям (women`s studies). Это звено, пропущенное в советских и постсоветских исследованиях, представляет собой междисциплинарную академическую область, посвященную всевозможным темам, рассматривающим женщин, феминизм, гендер и политику, например, феминистскую теорию, историю суфражизма, социальную историю, женскую художественную литературу, феминистский психоанализ, феминистское искусство и т.д. Как отмечают критики, женские исследования стали постигаться как отдельная академическая область знания в конце 70-х на гребне политической активности второй волны феминизма. К концу XX в. курсы по гендерным исследованиям уже читались на многих кафедрах ведущих университетов мира, а в 2007 г., согласно данным

Национальной ассоциации по женским исследованиям США, 576 образовательных учреждений предлагали курсы по женским или гендерным исследованиям на различных уровнях обучения в этой стране.

Сторонницы женских исследований доказывали, что науке также свойственен андроцентризм, поскольку женщины не включены, как правило, в поле академических исследований. В целом, феминисткам удалось оспорить утверждение о том, что наука строилась и строится на принципах объективности, рациональности и нейтральности в отношении полов.

Женские исследования подвергались критике с разных позиций, но главным объектом критики была «политическая миссия» обучения феминистских кадров, берущая верх в академических курсах и программах [21, р. 456]. Здесь нельзя не затронуть, хотя бы очень кратко, тему феминистской педагогики. В целом, следует отметить ее, несомненно, огромный вклад в педагогическую науку. Выдающаяся американская исследовательница С. Бем, например, в своих работах подробно объясняет процессы, приводящие к созданию познавательной системы на основе пола, утверждая, что детей нужно учить тому, что гендер есть ассоциативная сеть большой функциональной значимости. Это достигается, пишет С. Бем, посредством демонстрации множества культурных связей с полом, существующих в обществе. Биологические особенности пола (анатомия и репродукция), безусловно являясь различительными характеристиками мужественности и женственности, поддерживаются в качестве основы феминистского воспитания ребенка. Предлагая альтернативные схемы полового воспитания – схему индивидуальных различий, культурного релятивизма, сексизма, – С. Бем уверена: в данный исторический момент приходится делать выбор, воспитывать ли детей полотицированными или дети должны уметь различать, например, схему сексизма и стать феминистками [2, с. 323].

Некоторые ученые-феминисты отвергают гендерные исследования за то, что они якобы сглаживают пафос феминистского критического вызова, характерного для женских исследований; другие полагают, что женские исследования постепенно перерастают в гендерные [4, с. 472].

Развитие мужских исследований (men`s studies) стало своеобразным академическим ответом на феминизм и женские исследования. Безусловно, свою роль сыграли и социальные изменения положения мужчин и женщин в конце XX века. Переосмысление женщинами своей сущности способствовало тому, что и мужчины оказались озабоченными этой проблемой. Выяснилось, что отождествление мужчины с человеком вообще сыграло пагубную роль: универсализация образа мужчины привела к тому, что многие аспекты мужского опыта столь же мало изучены и осмыслены, как и женский опыт. Первыми вопрос «Что есть мужчина?» поставили американские антропологи, затем к нему обращались англичане, австралийцы, скандинавы (М. Киммел, Д. Гилмор, М. Месснер), российские ученые (И. Кон, С. Ушакин и др.).

Дилемма половой/гендерной дифференциации рассматривается в гендерной науке как критика теорий, в которых биологическим различиям между полами придается социальные (и притом неравные) значения. Например, большая по сравнению с женщинами физическая сила мужчин трактуется как свидетельство их силы и в других сферах – интеллектуальной, духовной, творческой; в то же время детородная способность женщин интерпретируется как ее принадлежность миру природы, а не культуры и т. п.

Как известно, наиболее яркий пример такого рода теорий представляет собой психоанализ З. Фрейда, который считал, что «анатомия – это судьба». Подобная половая дифференциация лежит в основе гендерной идеологии как системы идей, посредством которых гендерные различия и гендерная стратификация получают социальное оправдание, в том числе и с точки зрения их «богоданности» или «природной естественности». Последнее часто представлено в виде двух взаимосвязанных идеологий: мужественности (защитник) и женственности (материнство). Важно отметить, что половая дифференциация поддерживается не только «мужским шовинизмом», но и некоторыми течениями феминизма, в отличие от гендерной науки, опровергающей ее. Некоторые идеи радикального феминизма прочитываются в так называемом культурном феминизме, теоретики которого утверждают, что наряду с доминирующей патриархатной культурой существует отдельная «женская культура», характеризующаяся в отличие от первой позитивными гуманистическими и моральными ценностями. Рассматривая их, сторонники этого направления обращаются к анализу института материнства (Н. Ходороу), духовности (У. Кинг), языка (М. Дели). Как отмечают ученые, подобную позицию разделяют теоретики «эссенциалистского феминизма», подчеркивающие, что сущность женщин, действительно, отличается от сущности мужчин, причем, в лучшую сторону – женщины более моральны и более гуманны (К. Джиллиган). Экологический феминизм, например, утверждает, что конец угнетения женщин связан с развитием экологических ценностей и прекращением эксплуатации природы. В этом русле следует отметить также феминистскую литературную критику как одну из наиболее разрабатываемых областей феминистской теории и в Украине, и в России. Основное требование этой критики, считает И. Жеребкина, – это требование «пересмотра традиционных взглядов на литературу и практики письма», создание «альтернативной» (женской) картины мира [6, с. 135–256]. Исследовательницы считают, что женское творчество, присутствуя в культуре, не имеет своего места и своего языка в обществе, построенном по патриархатной модели (Э. Шоре, А. Колодни, Б. Хелд, Э. Шоултер и др. Не все исследователи разделяют точку зрения, скажем, Э. Шоултер, на женскую культуру как маргинальную, пограничную по отношению к мужской [12, с. 314]. Некоторые ученые считают, что феминистская критика носит несколько односторонний характер. Действительно, мужчины и женщины по-разному воспринимают мир. Однако, как пишет В. Погребная, невозможно решить женские проблемы в полной изоляции от мужских, невозможно учитывать только женский опыт без опыта мужского [8, с. 242].

Закономерно возникает вопрос, который и стал центральным в гендерных исследованиях, о том, что значит быть мужчиной или женщиной в обществе. Исследователи подчеркивают: гендерные изыскания более разносторонни и всеобъемлющи, чем чисто феминистские, они имеют более широкий контекст, поскольку охватывают и женский, и мужской опыт. В то же время, между феминистскими и гендерными исследованиями существуют различия. Е. Гошило, например, справедливо замечает, что феминистская критика «политизирует используемые критические методы, усвоенные ею плюралистически (марксизм, расчленение, психоанализ), и это отличает феминизм от чисто объективных исследований полородовых отличий (гендерные исследования)» [5, с. 135]. Однако исследователи единодушны в том, что именно феминизм выдвинул ряд проблем, которые затем уже решались в гендерных исследованиях. Неда-

ром Р. Хоф утверждает, что «гендерные исследования являются логическим следствием женских исследований» [11, с. 75].

Но самые серьезные расхождения в феминистских исследованиях и гендерной теории связаны с радикальным феминизмом, который, как пишет В. Брайсон, представляет угрозу традиционной политической теории в целом [3, с. 238]. При этом В. Брайсон имеет в виду, прежде всего, таких мыслительниц, как Ю. Кристева, Л. Иригарэ и Х. Сиксу. Именно благодаря Хелен Сиксу вопрос «écriture féminine» (женского письма) занял центральное место в политических и культурных дебатах во Франции во второй половине 70-х гг., когда Сиксу опубликовала ряд работ, задачей которых было исследование взаимоотношений между женщинами, фемининностью, феминизмом и производством текстов. Как пишет Т. Мои, стиль Сиксу чрезвычайно поэтичен, метафоричен и подчеркнута «антитеоретичен». Не только не одобряя феминистские аналитические дискурсы, она прямо заявляет: «Я не феминистка», добавляя позже «Я не должна производить теорию» [19, с. 221]. Обвиняя ученых-феминисток в уходе от настоящего в прошлое, она отвергает их работу как «чисто тематическую». По Сиксу, такие исследовательницы неизбежно окажутся в сети иерархических бинарных оппозиций, распространяемых патриархатной идеологией.

Но, пытаясь дать более точное определение положения Сиксу и в феминистской, и литературной теории, необходимо помнить о контексте французской культурной жизни середины 70-х. Например, ее отказ от ярлыка «феминизм», прежде всего, базируется на определении феминизма как буржуазного, эгалитарного спроса на женщин для получения власти в существующей патриархальной системе. Как пишет Т. Мои, для Сиксу «феминистки» – это женщины, стремящиеся к власти, к месту в системе, уважению, социальной легитимации [19, р. 101]. Тем не менее Сиксу не отвергает то, что она предпочитает называть «женским движением». И все же для многих феминисток (и не только во Франции) – этот вид ученых споров вокруг слова «феминизм» представляется политически опасным, более того, наносящим вред женскому движению в целом.

Но, каковы бы ни были дискуссии по этому вопросу, сама Сиксу, безусловно, вошла в историю как феминистка благодаря мощной критике патриархального мышления и своей преданности борьбе за освобождение женщин. Сознательно отказываясь от позиции философа, намеренно освобождая себя от тех обязательств и ограничений, которые накладывает философский дискурс, Х. Сиксу так организует свои тексты, так «разрабатывает пространство поэтического», что объединение ее текстов с политикой возможно только при максимальном расширении понятия последней [9, с. 25].

Сиксу была связана с политикой не только как один из организаторов группы «Psych et Po» – «Психоанализ и политика». В ее поэтической мифологии женское письмо самым тесным образом соотносится с анализом Деррида письма как «различия» (difference). И для Сиксу женские тексты «работают на различии», стремясь к различиям, подрывая доминирующую фаллоцентричную логику. Но, как замечают критики, она ничего не говорит о реально существующей дискриминации женщин и насилии, которые женщины испытывают, будучи все же социальными индивидами, а не мифологическими архетипами.

Сиксу твердо стоит на том, что даже термины «женская критика» или «женское письмо» неприемлемы для нее, поскольку сами термины «маскулинное» и «фемин-

нинное» заключают нас в «застенки» бинарной логики, классического видения сексуальной оппозиции между мужчинами и женщинами [15, p. 129].

В действительности, одна из причин, почему Сиксу так остро стремится избавиться от оппозиции маскулинный / фемининный и даже от таких слов, как «мужской» / «женский», – это ее уверенность во внутренне присущей человеческим существам бисексуальной природе. Ее «Хохот Медузы» атакует классические концепции бисексуальности, в том числе гомогенную концепцию бисексуальности, построенную, как она пишет, для обслуживания мужского страха перед Другим (женщиной) [14, p. 899].

Противопоставляя этой точке зрения то, что она называет «другой бисексуальностью», Сиксу утверждает, что «другая бисексуальность» множественна, вариабельна и находится в процессе постоянного изменения. Более того, она состоит из «неисключения» и различий, и пола. Рассматривая «свою фемининность», Х. Сиксу утверждает, в частности, что женское тело может выступать основой специфически женских способов мышления, исключая логические формы и бинарные оппозиции фаллоцентрической мысли. Эти способы мышления, пишет Сиксу, основаны на женском опыте сексуального удовольствия (*jouissance*), поскольку считается, что сексуальное удовольствие женщин рассеяно по всему телу и служит источником «чистоты опыта и ощущений», которые не могут быть постигнуты в пределах мужского дискурса [10, с. 88].

Критически анализируя концепции Сиксу, ученые отмечают, что реинтерпретация «принципа удовольствия» и Воображаемого в пользу женщин вполне может завести в ловушку патриархатной идеологии, поскольку именно она трактует женщину как находящуюся во власти эмоциональности, интуитивности, воображения, и тем самым оставляет рациональность исключительно для мужчин. Таким образом, Сиксу поддерживает традиционные гендерные бинарные оппозиции, где мужской компонент всегда представляет сильные качества, а женский – слабые, имплицитно утверждая валидность гендерных стереотипов.

Если Сиксу в своих работах подчеркивала «нефилософский» подход к анализируемым проблемам, то Люси Иригарэ, занимаясь в начале своей научной карьеры психолингвистикой, затем сделала решительный выбор в пользу философии, поскольку именно философия обладает статусом «господствующего дискурса», который, как она пишет, устанавливает закон для всех остальных дискурсов, конституируя дискурс дискурсов [19, с. 128]. Тем не менее Иригарэ не отвергает психоанализ, в отличие от К. Миллетт, которая считала его бесполезной и реакционной теорией. Но это не мешает исследовательнице подвергнуть суровой критике фрейдовскую теорию фемининности, показав, как в целом революционный дискурс Фрейда подчиняется мизогинистским правилам западной философской традиции, когда дело касается фемининности. Иригарэ начинает критику Фрейда с его вопроса «Что есть женщина?» Его использование оппозиции свет/тьма в средствах художественного изображения уже свидетельствует, по словам Иригарэ, о подчинении старейшей «фаллократической» философской традиции. Как известно, фрейдовская теория сексуальных различий базируется на «видимости» различий: когда Фрейд смотрит на мужчину, он видит половой орган, когда он смотрит на женщину, он не видит ничего. Таким образом, пишет Иригарэ, женское отличие постигается как отсутствие мужской нормы или отрицание ее, что и становится ключевым моментом в аргументации Иригарэ: в нашей

культуре женщина находится вне репрезентации [17, р. 110]. Следовательно, феминное нужно расшифровать как запрещенное. Женщина, утверждает Иригарэ, – это негатив, необходимый для умозрительных теоретических размышлений мужского субъекта, что указывает на базовое предположение, лежащее в основе всего западного философского дискурса, о необходимости постулирования субъекта, способного на саморефлексию. Замаскированное как рефлексия общего маскулинного состояния, мышление философа зависит от своего воздействия на саморефлексивность. Это именно тот вид умозрительного теоретизирования, которое, как доказывает Иригарэ, делает западный философский дискурс неспособным репрезентировать женщину (феминность) иначе, как негатив своего собственного отражения. Таким образом, полагает мыслитель, символический порядок вовлекает маскулинные структуры, которые никогда не смогут представить женственность, поскольку она находится вне фаллического дискурса и постоянно из него исключена, а потому не может быть артикулирована.

Ограниченная мыслительной логикой патриархата, женщина стоит перед выбором: хранить молчание или же разыгрывать спекулятивную репрезентацию себя в качестве меньшего по значению «мужчины». Последний выбор – женщина как имитатор – представляет собой, по Иригарэ, форму истерии. Неудивительно, что фаллокрафия постигает истерические симптомы как неподлинную копию оригинальной драмы, переживаемой мужчиной. В первой же главе своего «*Spéculum*» исследовательница затрагивает концепт субъекта и субъективности, утверждая, что все теории субъекта всегда фокусировались на «маскулинном». Иригарэ утверждает, что у женщины субъективность отрицается, и это исключение гарантирует создание относительно стабильных объектов для теоретизирующего субъекта. Без такого «несубъективного» основания субъект не в состоянии конструировать себя вообще.

Если, как утверждает Иригарэ, мистический опыт – это опыт именно потери субъективности, исчезновения оппозиции субъект/объект, то такой подход представляет особую привлекательность для женщин, чья субъективность отрицается и угнетается патриархатным дискурсом. Хотя, как пишет Т. Мои, не все мистики были женщинами, мистицизм сформировал особую область высокодуховных устремлений в патриархатном порядке, где женщины действительно превзошли мужчин [19, с. 135]. По Иригарэ, мистический дискурс – это единственное место в западной истории, где женщина говорила и поступала публично [18, р. 463].

Экзальтация Иригарэ по отношению к мистицизму стала большой неожиданностью для многих феминисток. Ее аргументы, в конечном счете, заключаются в том, что только мистический опыт позволяет феминности обнаружить себя именно посредством глубокого принятия патриархатного подчинения. Как пишет Ш. Фелман, критически анализируя концепции Иригарэ, если женщина именно тот «Другой» любого постигаемого западного теоретического локуса речи, то как она может (как таковая) говорить в сочинениях Иригарэ? Кто говорит в ее книге и кто утверждает «Другость» женщины? Если, как предполагает Иригарэ, молчание женщины или угнетение ее способности говорить являются составляющей частью философии и теоретического дискурса как такового, с какого теоретического локуса говорит сама Иригарэ, развивая свой собственный теоретический дискурс в отношении женщин? Является ли «говорить как женщина» фактом, который определяют биологические

условия или стратегическое, теоретическое положение, т. е. что это: анатомия или культура? [16, p. 10].

Исследователи отмечают также что, когда Иригарэ пишет о том, что нужно остановить «сам теоретический механизм» речевых структур, которые позволяют эксплуатацию и подчинение женщин, она не учитывает причины, по которым другие социальные группы также могут находиться в невыгодном положении из-за неиспользования собственного языка. Феминистки отмечают также элитарность французской исследовательницы, трудность ее языка. Но самая жесткая критика – в «материалистическом» направлении: феминистки упрекают Иригарэ в отсутствии «материалистической перспективы». Как утверждает М. Плаза, читая «Spéculum», легко поверить, что власть – это вопрос только философии. Но угнетение женщин ни в коей мере не является чисто идеологическим или дискурсивным. Патриархатный порядок – это не только идеология, он конституирует специфическое материальное угнетение. Для того чтобы обнаружить его существование и раскрыть его механизм, нужно рассмотреть тот факт, что категория пола захватила гигантские территории с одной главной целью – угнетения [21, p. 26].

Ученые подчеркивают: материальные условия угнетения женщин совершенно отсутствуют в работах Иригарэ. Без специального материалистического анализа феминистское представление о власти не сможет выйти за рамки упрощенного и пораженческого видения мужской власти на фоне женской беспомощности, подспудно присутствующей в исследованиях Иригарэ. Ученые утверждают, что феминизм не отвергает власть как таковую, цель феминизма – трансформировать существующие властные структуры и в процессе трансформировать сам концепт власти. Т. Мои пишет, что неспособность Иригарэ показать историческую и экономическую специфичность патриархатной власти наряду с ее идеологическими противоречиями вынуждает ее дать именно то метафизическое определение женщины, которого она декларативно стремится избежать. Таким образом, она приходит к анализу «женщины» в идеалистических категориях. Но ее превосходная критика патриархатной мысли частично ослаблена попыткой «назвать» женское, фемининное, поскольку, как известно, все попытки дать дефиницию понятию «женщина» обречены на эссенциализм, а потому феминистская теория развивалась бы намного успешнее, если бы не ступала на минное поле фемининности и феминности [19, p. 148].

Теоретики гендера уверены: для избежания эссенциализма и биологического детерминизма нам нужно отречься от предположений и утверждений о биологической основе социальных норм. И гендерная наука, и феминизм единодушны в том, что хотя экономическое, социальное, политическое и идеологическое угнетение лишает женщин свободы, нет причин для выводов о невозможности борьбы женщин за гендерное равенство. Феминистки не согласны с некоторыми теоретиками гендера в том, что угнетение женщин настолько завершено и настолько полностью интернализировано женской «внутренней сущностью», что женщины никогда не смогут освободиться от сексистской «слепоты». Феминистки категорически не приемлют предположение о том, что единственно возможной стратегией сопротивления может быть мимикрия или пародия, имея в виду взгляды, например, Сиксу на идеологию как «самосовместимую», «непротиворечивую» мембрану, не оставляющую женщинам места для критического осознания этой идеологии, или уверенность Иригарэ в том, что «мимикрия» – это лучшая оппозиционная стратегия для женщин. Несомненно, противо-

речия внутри феминизма были во многом акцентированы «сдвигом» от психоаналитической или феноменологической теории субъективности к безагентному понятию пола, гендера, «регуляторных дискурсов» и «перформативности». Нужно вновь отметить, что все это было частью общей постструктуралистской критики субъекта. Феминизм не может опираться на теорию, отрицающую, что за каждым поступком есть тот, кто его производит («a doer behind the deed»). Феминизм не мыслится сейчас без постструктуралистской теории, но, как подчеркивается, это не единственное наследие феминизма. С другой стороны, именно гендерная теория выступила и по-прежнему выступает как мощный защитник антиэссенциализма и в теоретическом, и в политическом смысле.

Библиографические ссылки

1. **Габриэлян Н. М.** Всплывающая Атлантида (медитации на тему феминизма) / Н. М. Габриэлян // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 6. – С. 171–178.
2. **Бем С.** Линзы гендера / Э. Бем. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 323–329.
3. **Брайсон В.** Политическая теория феминизма / В. Брайсон. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 304 с.
4. **Воронина О. А.** Глоссарий по гендерному образованию / О. А. Воронина // *Гендерные исследования*. – М., 2006. – 511 с.
5. **Гошило Е.** Перестройка или «домостройка»? Становление женской культуры в условиях гласности / Е. Гошило // *Общественные науки и современность*. – 1991. – № 4. – С. 134–145.
6. **Жеребкина И.** «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм / И. Жеребкина. – М.: Идея-Пресс, 2000. – С. 135–256.
7. **Костикова И.** Введение в гендерные исследования / И. Костикова. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 255 с.
8. **Погребная В. И.** Проблемы эмансипации женской личности в русской критике и романах Н. Д. Хвощинской (60–80-е годы XIX столетия) / В. И. Погребная. – Запорожье: ЗГУ, 2003. – 242 с.
9. **Поспелова О. В.** Политика, утопическое мышление и феминизм / О. В. Поспелова // *Новые направления политической науки*. – М., 2004. – С. 13–25.
10. **Сиксу Х.** Хохот Медузы / Х. Сиксу // *Гендерные исследования*. – Х.: ХЦГИ, 1999. – № 3. – С. 71–88.
11. **Хоф Р.** Возникновение и развитие гендерных исследований / Р. Хоф // *Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования*. Вып. № 1. – М.: РГГУ, 1999. – С. 23–53.
12. **Шоултер Э.** Наша критика / Э. Шоултер. // *Современная литературная теория. Антология*. – М.: Флинта, Наука, 2004. – С. 314–333.
13. **Юлина П.** Проблемы женщин: философские аспекты (Феминистская мысль в США) / П. Юлина // *Вопросы философии*. – 1988. – № 5. – С. 137–147.
14. **Cixous H.** The Laugh of the Medusa // *Signs*.-1. – 1975. – P. 875–899.
15. **Conley V. A.** Hélène Cixous: Writing the Feminine. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1984.
16. **Felman S.** The Critical Phalacy // *Diacritics*, 1975. – P. 2–10.
17. **Irigaray L.** The Sex which is not One // *New French Feminism*. Eds. Marks E., Courtivron I. de. – Brighton: Harvester, 1980. – P. 99–110.
18. **Irigaray L.** Spéculum de l'autre femme. – Paris: Minuit, 1974. – 463 p.
19. **Moi T.** Sexual/Textual Politics. – London and New York: Routledge, 2002. – 221 p.
20. **Patai D., Koertge N.** Professing Feminism: Education and Indoctrination in Women`s Studies. – Lanham, MD: Lexington Books, 2003. – 456 p.
21. **Plaza M.** «Phallogomorphic power» and the psychology of «woman» // *Ideology and Consciousness*. – 1978. – № 4. – P. 4–36.
22. **Sommers H. C.** Who Stole Feminism? How women have betrayed women. – Simon and Schuster, 1995. – 320 p.

Надійшла до редколегії 22.12.09

УДК 172

Т. М. Талько

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

АНТРОПОЛОГІЧНА СКЛАДОВА ДУХОВНОСТІ СУЧАСНОЇ ЄВРОПЕЙСЬКОЇ СПІЛЬНОТИ

Розглянуто основні тенденції розвитку антропологічної складової духовного фундаменту сучасної європейської спільноти.

Ключові слова: гуманістичні цінності, європейська духовність, аномія, сенс життя, монетаризація свідомості, постмодерн, глобалізація, негативна свобода, позитивна свобода.

Рассмотрены основные тенденции развития антропологической составляющей духовного фундамента современного европейского сообщества.

Ключевые слова: гуманистические ценности, европейская духовность, аномия, смысл жизни, монетаризация сознания, постмодерн, глобализация, негативная свобода, позитивная свобода.

In this article the main tendencies of the development of the anthropological component in forming the modern European societies' world outlook basis are researched.

Keywords: human values, European cleric, anomia, the substance of life, monetarisation of consciousness, postmodern, globalization, negative freedom, positive freedom.

Україна намагається увійти до європейського культурного простору на правах рівноправного партнера та достойного члена європейської культурної спільноти. Прагнення це є цілком зрозумілим, оскільки очевидно, що розвиток і продуктивне існування Української держави неможливі поза європейською цивілізацією. Разом з тим входження в європейський культурний простір потребує вирішення цілого ряду проблем, серед яких особливе місце займають гуманітарні. Їх розв'язання здійснюється через розширення горизонту людинознавчих пошуків, завдяки чому відбувається подальший розвиток демократії як засадничого принципу буття європейської спільноти. Запровадження заснованого на багатому європейському та вітчизняному духовному досвіді філософсько-антропологічного підходу до різних сфер соціального життя відкриває можливості не лише для розширення меж гуманітарного пізнання, але й корегує трансформаційні процеси, що відбуваються у різних сферах життя нашого суспільства. Процес входження до європейського культурного дому надає особливої актуальності питанню про ціннісні пріоритети, які повинні закладатися у душі носіїв нашої культури. Відповідно, актуалізується й питання про специфіку сучасної європейської духовності та місце антропологічної складової серед пріоритетів європейського стилю життя.

Сучасні дослідники відзначають значні прояви аномії у західноєвропейських суспільствах, тобто розповсюдженість такого морально-психологічного стану

© Талько Т. М., 2010